

МОБИЛИЗАЦИЯ В ПОДДЕРЖКУ РОССИЙСКОГО ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ ВО ФРАНЦИИ. ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

Ольга Николаева

Ольга Николаева – независимый социолог-исследователь, консультант в сфере маркетинговых исследований; участник Независимой исследовательской инициативы (НИИ митингов). Адрес для переписки: rue Aristide Briand, 2, Bat.B, 94250, Gentilly, France. niko.olga@gmail.com.

Ключевые слова: Россия, Франция, активизм, президентские выборы, постсоветские трансформации

Для меня митинг в Париже – это прежде всего поддержка тому митингу, который сейчас проходит в Москве, и также это знак того, что по всему миру людям не все равно, что сейчас творится в нашей стране.
Настя из Москвы, студентка Парижского университета

Во Франции мобилизация симпатизирующих российскому протестному движению русских и французов началась сразу после 6 декабря 2011 года, когда стало известно о подавлении митингов в Москве, притом что люди вышли протестовать против фальсификаций в ходе выборов в Государственную думу.

Уже 8 декабря перед посольством РФ в Париже собралось около сотни граждан, в основном россиян, с требованием честных выборов, а 10 декабря, в субботу, митинг на одной из центральных площадей Парижа собрал 400–500 человек. Митинг прошел под одним главным лозунгом – требованием честных выборов. С тех пор в Париже сформировалась среда активистов, которые оперативно откликаются на происходящее в России и проводят митинги солидарности.

Рис. 1. Митинг 10 декабря 2011 года, Париж, площадь Эдмона Мишле.
Автор фотографии – Максим Платонов

Кто эти люди, и что привело их на митинги? Эта статья представляет собой попытку дать первые и достаточно сырые наброски о возникшем в декабре 2011 года движении во Франции (в основном – в Париже) в поддержку протестного движения в России.

Во Франции среда участников, симпатизирующих российскому протестному движению, на первый взгляд, имеет схожую структуру с российским движением, а именно: представляет собой разнообразные группы, объединенные общим стремлением – добиться для России выполнения принципа сменяемости власти демократическим путем. Внутри этой общности есть участники, относящиеся к официальным структурам (ассоциации, некоммерческие организации), и те, кто не относит себя к какой-либо группе, но приходит на организуемые акции. По географическому признаку большинство участников движения сосредоточено в Париже, но есть активисты, которые приезжают из провинции для участия в отдельных акциях (например, для работы наблюдателем во время президентских выборов 4 марта 2012 года), или те, кто живет и работает в регионе, но собирает и распространяет информацию на сайтах, объединяющих участников в интернете.

В целом, в соответствии с активностью участников движения во Франции, можно выделить следующие группы:

- участники, которые регулярно приходят на часто организуемые акции (приблизительно 40–50 человек);
- участники, которые достаточно редко приходят на акции (примерно 100 человек вместе с первой группой);
- участники, которые приходят только на особо важные акции – такие как, например, митинги в декабре 2011 года (300–400 человек);
- участники, которые потенциально могут проявить поддержку российскому

протестному движению (очень расплывчатые оценки, но если смотреть на результаты выборов 4 марта 2012 года в Париже, то более 2 000 человек).

Данное исследование основывается на 15 коротких интервью с участниками декабрьских митингов в Париже (французы, россияне, русскоговорящие из стран СНГ), а также на 10 более продолжительных интервью, собранных среди участников после акций в феврале – мае 2012 года (участники с российским и/или французским гражданством). Взгляд, который представлен в этих набросках, несет на себе следы активного участия исследователя в изучаемом процессе мобилизации. Занимая активную гражданскую позицию, я с первых митингов принимала участие в движении как активист. Этот факт затрудняет работу по объективации представленной точки зрения, зато помогает получить доступ к полю, в котором интервьюируемые участники не всегда готовы делиться информацией с незнакомыми исследователями.

Интервью с участниками парижских манифестаций позволяют выделить как минимум три оси движения, направляющие мобилизацию во французской среде.

Первая ось представляет собой границу между теми, кто признает политический характер участия в митинге (и в движении протеста в целом), и теми, кто воспринимает протестное движение исключительно как гражданскую мобилизацию. Участники митингов во Франции, во многом как и выходящие на митинги в России, сознательно дистанцируются от политических маркеров. В самой среде активистов обсуждение политических мнений тоже проявляется редко. Это касается как российской, так и французской политики – результаты выборов французского президента не были предметом широкого обсуждения. Однако обсуждалась процедура организации избирательного процесса и его отличия от выборов в России.

Несколько факторов приводят к подобной аполитичности тех, кто во Франции участвует в митингах. Как и в России, мобилизация во Франции проходит на фоне сознательного избегания политической риторики с ее специфическими правилами игры: *«Политика – дело неблагодарное, связанное с большими рисками»* (Максим, один из активных членов движения). Потенциальный риск связывается с невозможностью контролировать окраску митинга и его смысла: у участников митингов вызывает страх вероятность оказаться в одном пространстве с радикально настроенными политическими группами. Так, попытка анархистов развернуть флаг на митинге 5 марта, сразу после президентских выборов, была воспринята негативно: политическая риторика могла привести к размежеванию в рядах собравшихся.

Многих участников митингов в Париже обнадежил факт выхода на массовые уличные акции в России «граждан» – тех, кого респонденты не рассматривают в закрепившихся политических определениях: *«Сама идея, что на этот митинг вышли более или менее приличные люди, а не какие-то дикие анархисты сумасшедшие, – это были интеллигентные, приличные люди, которых достало все уже»* (Аня, студентка, журналист). Это пренебрежение к политически ангажированным участникам отчасти просматривается в освещении событий в России сло-

жившимися группами активистов: среди потока информации о задержаниях и давлении на активистов большее внимание уделяется не делам тех, кто воспринимается как профессиональный политик (суды над нижегородскими антифашистами, например, или вопрос о возбуждении уголовного дела в отношении депутата), а делам, которые заводят на «граждан», на месте которых могли бы быть любые другие граждане (особенно из тех, кто оказался задержанным в связи с митингом 6 мая на Болотной площади). В этом контексте поддержка Олега Шеина также не имела однозначного отношения среди французских активистов.

Стремление оставаться нейтральными в политическом поле стало особенно заметно перед выборами в марте 2012 года. Информация о масштабных нарушениях во время думских выборов подтолкнула многих россиян во Франции к тому, чтобы стать наблюдателями. Поэтому при подготовке к президентским выборам некоторые наблюдатели готовы были принять помощь любых политических партий (кроме «Единой России»), от чьего имени они могли бы подать заявку на добавление в официальные списки наблюдателей на выборах.

Подобная позиция «вне политики» просматривается также в описании профессиональной среды участницы митинга (Светлана, 45 лет, митинг 4 февраля в Париже):

- А как к митингам относятся у Вас в семье?
- Положительно. Почему же нет? Возрождается гражданское общество.
- А на работе?
- На работе... Понимаете, я преподаю в университете. Там есть разные мнения. Среди славистов, там есть те, которые считают, что нельзя заниматься политикой. Но мне, честно говоря, все равно, что там говорят. Я считаю, что надо поддерживать.

Тем не менее, можно отметить определенный сдвиг в сторону большего внимания к специфически политическим механизмам по мере развития протеста в среде участников парижского (и не только) движения: благодаря налаживанию международных связей стала заметнее роль выработки официальных документов с обращением к мировым лидерам о проблемах в России. Из наиболее заметных документов – обращение к лидерам «Большой восьмерки», выпуск «открытой трибуны» во французских СМИ (Mediapart, Le Nouvel Observateur) перед посещением Владимиром Путиным канцлера Германии Ангелы Меркель и новоизбранного французского президента Франсуа Олланда, сбор подписей под открытым письмом к последнему. В других странах этот процесс также набирает силу: например, продвижение через Конгресс США законопроекта о списках российских чиновников, причастных к смерти юриста Сергея Магнитского, которые будут лишены права на въезд в США.

Вторая ось в мобилизации по-французски – это наметившаяся тенденция к институционализации протестного движения. Сразу после организации первых митингов возникли неформальные группы друзей, участников и организаторов акций. Но уже к февральскому митингу эти группы объединились, для того чтобы создать более формальные структуры. Так родились две организации, занимаю-

щиеся проведением акций в целях поддержки российского протестного движения. Наиболее многочисленная и официально зарегистрированная организация – ассоциация «Russie-Libertés» – занимается освещением происходящих в России событий и позиционирует себя как активно участвующую в продвижении демократических ценностей в России. Параллельно с этой ассоциацией возникла структура с названием «Объединение российских избирателей во Франции», которая стремилась обеспечить максимальный приток избирателей на выборах 4 марта 2012 года и занималась подготовкой наблюдателей для выборов. После выборов 4 марта эта организация добавила в название своей группы в интернете дополнение: «и сторонников демократии в России».

Связь между двумя группами существует (например, я как активист принимаю участие в акциях и той, и другой), но иногда участники обеих организаций отмечают слабую координацию совместных действий. В результате, поскольку часто акции во Франции приурочены к событиям в России и каждая группа желает устроить акцию на свой вкус, может оказаться, что две акции проходят одновременно в разных частях города, и участники протестного движения во Франции вынуждены выбирать, на какую акцию они пойдут, а какой пожертвуют. На данный момент динамика численности групп в социальных сетях показывает, что пополнение в группе ассоциации «Russie-Libertés» происходит быстрее, чем в группе «Объединения» (притом, что в группу ассоциации доступ ограничен, а в «Объединение» могут вступать все желающие). Но в большинстве случаев обе структуры действуют автономно, и каждая по-своему поддерживает протестное движение в России. Среди акций, которые они организуют, следует отметить митинги, флешмобы, проведение «круглых столов», дебатов, выставок и концертов.

Вопрос об институционализации послужил отчасти причиной разделения участников французского активистского движения на эти две группы. Идея создания ассоциации «Russie-Libertés» была открыто направлена на институционализацию: был составлен ее устав, проведена официальная регистрация в реестре французских юридических лиц. У многих членов «Объединения» это желание институционализироваться вызвало отторжение – возникло недоверие (зачем нужна официальная регистрация?). Но в течение недели после возникновения «Russie-Libertés» в медийной среде (с созданием сайта и оповещением журналистов о возникшей организации) «Объединение» последовало по тому же пути. Единственное, что еще отличает две структуры в плане институционализации – это наличие формальной регистрации (у «Объединения» ее пока нет).

Периодически в рамках движения участники задаются вопросом, почему две группы действуют отдельно. Как секретарь ассоциации я отвечаю на подобный вопрос так: «Потому что такое разделение позволяет каждой группе продвигаться в своем направлении, не тратя силы на внутривнутриполитическую борьбу за всеподавляющую власть». Затем я цитирую слова Сесиль Вассье, исследовательницы-слависта и преподавателя в университете «Université Rennes 2 Haute Bretagne», которая также входит в обе группы: «Стремление к объединению – к обязательно-объединению, исключаящему разнообразие мнений – это русская болезнь, которая проявлялась и во времена Советского Союза в виде лозунга «Народ и пар-

тия едины», и в последнее время – в названиях правящих партий: вначале «Единство» и сейчас «Единая Россия». А нужно, во благо страны, преодолевать эту болезнь, понимать, что разнообразие мнений свидетельствует о многогранности талантов. Это богатство и сила, а не слабость, и поэтому нужно позволить разным группам и людям существовать и выражаться в политической и общественной жизни» (переписка, личный архив автора).

Помимо этих групп есть другие участники во Франции, которые в той или иной мере поддерживают и освещают события в России. Так, в музее «Palais de Tokyo (дворец Токио)» в Париже 21 июня была открыта выставка, посвященная истории процесса над группой «Pussy Riot». Ее организацией занимался куратор Андрей Ерофеев при участии программы музея «Алерт», которую новый директор запустил для поддержки артистов, оказавшихся в трудном положении. Профсоюзы помогают французским активистам со звуковой аппаратурой для проведения митингов в Париже. Помещения для дебатов, круглых столов и встреч с российскими активистами и журналистами предоставляют университеты, муниципалитеты парижских округов, а также книжный магазин русской литературы «Глобус». Международные организации также выпускают официальные документы, поддерживающие борьбу российских и французских активистов за права человека в России.

Третья ось дает представление о мобилизации среди русскоговорящих во Франции как о напряжении между чувством принадлежности к российскому обществу и нахождением за его границами. Россияне являются ядром во французской среде солидарности с российским протестным движением. Но многие из них уже интегрировались во французское общество и являются его гражданами. И когда они выступают в Париже в поддержку митингов в России, порой они сталкиваются с обвинениями в непатриотичности. Так, студентка и журналист Аня, которая не могла не выйти на митинг в Париже (*«Я поняла, что, во-первых, на родине творится что-то необычное – чего я никогда не видела, во-вторых, во мне это тоже возбудило волну гнева и недовольства, и я подумала, что же такое, почему если люди там могут выйти, они побороли в себе этот страх, и они вышли, то почему мы не можем сделать этого здесь»*), все-таки отмечает, что она в определенной степени понимает обвинения в неполноценной патриотичности, которые выдвигают ей ее знакомые в «Фейсбуке»: *«Если ты так переживаешь за свою родину, то почему ты не там?»*

Многие из участников акций в Париже с гордостью делятся информацией о своем участии в митингах в российских городах: оказываясь в России по работе или на каникулах (студенты), они посещают митинги в России, выкладывают фотографии в социальные сети и передают информацию о происходящем из России во французские СМИ (выступление членов ассоциации «Russie-Libertés» 12 июня на канале «France 24» в прямом эфире из Москвы и в студии канала в Париже). Это позволяет налаживать и поддерживать контакты с местными активистами. И в то же время посещение российских митингов обогащает организацию движения солидарности во Франции: вместо роли далекого наблюдателя и безликого репортера о происходящем в России французские активисты предстают для французской публики практически «российскими активистами».

Рис. 2. Акция, организованная ассоциацией «Russie-Libertés» в поддержку задержанных членов группы «Pussy Riot», Париж, мост Александра III, 4 августа 2012 года.

Автор фотографии – Ольга Николаева

Подобная работа по переводу информации из России иногда оспаривается журналистами, пишущими о России (в качестве примера, можно указать критику со стороны журналиста Александра Латса, «популярного блогера, французского евразийца, придерживающегося православного вероисповедания» (Сперанская 2012), но также некоторых журналистов из «Би-би-си»). Аргумент для такой критики – принципы журналистской этики, которая требует нейтральности в освещении событий, а значит, неучастия журналиста в организации митингов, например. Но неухаживающий рост протестных настроений, особенно в связи с неожиданно многочисленным «летним» митингом 12 июня в Москве, собравшим практически столько же участников, сколько и демонстрация в декабре 2011 года, нейтрализует эту критику с позиций самого журналистского дискурса. Согласно принципам медийного освещения, парижские активисты, бьющие тревогу, оказываются наиболее точными и актуальными проводниками информации о событиях в России. И, следовательно, их прогнозы о настроениях в России заслуживают внимания журналистов.

Примечательно, что в этом плане журналисты-активисты во Франции сходятся с журналистами-активистами в России – в подобном же ключе об объективности журналистов высказываются и Ксения Собчак с Олегом Кашиным в интервью «Афише» в июле 2012 года. Собчак: «Мне вообще кажется, что сейчас больше востребована не объективность в духе Би-би-си, где человек, который читает новости, даже интонационно не может выдать свои чувства, а эмоции, личное отношение». Кашин: «Объективность в том виде, в котором среднестатистический российский журналист ее представляет, – это стандарт «Коммерсанта» начала 1990-х. Мнение одной стороны, мнение другой, комментарий эксперта. Это абсолютно иллюзорная история, потому

что даже в подборе тем, о которых газета пишет на первой полосе, невозможно соблюсти объективность, и этим легко манипулировать» (2012).

Игра «российско-российский – иностранный российский» проявляется в среде французских активистов по-разному. С одной стороны, французские активисты стараются быть максимально близкими к происходящему в России и фокусируются на проблемах, возникающих там: давление на активистов, давление на журналистов в России и т.д. Нужно отметить, что несмотря на то, что большинство участников на парижских митингах российские паспорта, все же в первых и самых многочисленных акциях участвовали также потомки «белой эмиграции» начала XX века с семьями и граждане постсоветских республик, говорящие на русском языке, но не имеющие российского гражданства. Часть этих людей объединяют желание помогать друг другу во Франции и долгая история сотрудничества с администрациями французских муниципалитетов, других же на площадь привело желание сказать слова поддержки россиянам, которые оказались во власти мошенников (выступления на митинге участников из Беларуси и Грузии). Однако с развитием событий (а именно подготовка к президентским выборам, принимать участие в которых могли только российские граждане) и с последовавшим каскадом нарушений прав человека в России, акцент все больше ставится на российскоориентированном характере движения во Франции. Возможно, по этой причине часть присутствовавших на декабрьских митингах отошла от участия в дальнейших акциях поддержки протестного движения в России: движение французских активистов не выдвигает в списке своих целей решение проблем русскоязычных граждан (или их потомков) во Франции.

С другой стороны, нельзя отрицать, что граница в восприятии себя как участника «российского протестного движения» существует в среде французских активистов. Многие из них чувствуют, что спокойная европейская манифестация несравнима с российскими митингами – это один из упреков, которые получают активисты в Париже от тех, кто сопоставляет их с российскими участниками. В этом контексте митинг 1 июня оказался возможностью для некоторых из французских активистов пережить эмоции, максимально сближающие французское движение с российским, поскольку митинг был несанкционирован и гипотетически его участники могли оказаться задержанными французской полицией. Как после заметила одна из участниц, выступавшая на этом митинге в прямой онлайн-трансляции, *«тогда я поняла, что эта вся обстановка, наверное, нам ее не хватало в нашей сытой европейской жизни. Это добавляет какого-то определенного драйва. Не то чтобы я очень сильно испугалась – ну что они могут сделать? Но с другой стороны, я понимаю людей, которые выходят в России и боятся, на эти митинги»*. И в качестве резюме эта постоянная участница парижских митингов добавила: *«Это была самая лучшая парижская акция»*.

В целом сам факт наличия россиян за пределами своей страны может служить для французов сигналом о неблагополучии в России: *«Если русские не в России – значит, им там не так уж хорошо»* (Максим, активист протестного движения во Франции, француз с российским гражданством).

Французская среда помещает активистов, выступающих с поддержкой протестного движения в России, в контекст французских общественных движений – откуда ожидание от активистов институционализации движения и его формализации в качестве ассоциации согласно французскому закону 1901 года, как это делают некоммерческие организации во Франции. Но между мобилизацией по поводу протестного движения в российской и французской среде имеется некоторое сходство. Оно проявляется в избегании политического дискурса: и во Франции, и в России идентификация с политическими силами, скорее, вызывает опасения у участников митингов. Как и в России, определение происходящих событий преимущественно от лица самих участников: лозунг *«Вы нас даже не представляете»* работает в обоих движениях.

Тем не менее, в случае французской мобилизации, ее тесная связь с проблемами российских активистов и в то же время нахождение за пределами страны порождают новый эффект. Он заключается в появлении дополнительного рычага мобилизации – построении прямых международных связей. Так, в Париже вырабатывают обращения совместно с активистами из Великобритании и США, распространяется идея о принятии «закона Магнитского» не только в США, но и в европейских странах. А внутри страны движение также охватывает различные города: из Парижа активисты приезжают в качестве наблюдателей на выборы в регионы, едут в Страсбург, чтобы бойкотировать сессию с участием депутатов от «Единой России» в ПАСЕ.

В заключение следует подчеркнуть, что если в соответствии с первой описанной осью (аполитический настрой движения) активисты во Франции избегают какого-либо политического позиционирования по отношению к российскому политическому пространству, то в рамках их функционирования во французской среде они приобретают поддержку скорее у левоориентированных участников общественной жизни (профсоюзы, муниципалитеты). Эта интеграция во французскую среду общественных движений также позволяет им учиться у местных организаций и стремиться к росту самоорганизации (в этом плане функционирование на уровне группы в «Фейсбуке» оказывается недостаточным). Так, ассоциация «Russie-Libertés» организует в начале осени Генеральную ассамблею своих членов, для того чтобы наладить связь между участниками и максимально их вовлечь в активистскую работу. Наконец, движение поддержки во Франции начинает больше концентрироваться на возможностях воздействия на происходящее в России через доступные международные рычаги. Данный механизм позволяет участникам движения во Франции (и не только) найти свою собственную позицию по отношению к российским активистам. Вместо того чтобы быть «представителями» российского протестного движения во Франции, они создают новую позицию – взаимодополняющую по отношению к российскому движению. Эта роль на активистской сцене позволяет активистам во Франции, поддерживающим российское протестное движение, чувствовать себя легитимно как в России, так и за ее пределами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Кашин, Олег и Ксения Собчак. 2012. «Разговоры о медиа». *Афиша*, 30 июля. Просмотрено 6 августа 2012 г. (<http://www.afisha.ru/article/media-sobchak-kashin>).

Сперанская, Натэлла. 2012. «Александр Латса: “Операционная система” западной цивилизации больше не функционирует». *Информационно-аналитический портал «Евразия»*, 4 июня. Просмотрено 6 августа 2012 г. (<http://evrazia.org/article/1999>).